

проступков. Так, упрощение досудебного расследования могло коснуться хорошо известных УК Украины преступлений небольшой тяжести или преступлений небольшой тяжести, за которые предусмотрено наказание менее строгое, чем лишение свободы на определенный срок. Поэтому наличие в названии закона от 22 ноября 2018 г. слов «упрощение досудебного расследования» не предполагает введение в УК Украины категории уголовных проступков.

В то же время упоминание в названии закона об «отдельных категориях уголовных правонарушений» позволяет предположить, что изменения, которые этим законом вносятся в некоторые законодательные акты, имеют не только процессуальный характер (направлены не только на «упрощение досудебного расследования»). Действительно, по состоянию на 22 ноября 2018 г. УК Украины не оперировал термином «уголовное правонарушение», а знал только преступления. Если тем не менее в названии нового закона говорится не о преступлениях, а об уголовных правонарушениях, значит, предполагается, что уголовное правонарушение – отличная от преступления категория, которая, следовательно, должна включать кроме преступлений еще какие-то уголовно наказуемые деяния.

Предложенная «расшифровка» названия закона от 22 ноября 2018 г., таким образом, никак не предполагает криминализацию некоторых деяний в новой ст. 286¹ УК Украины. Каждый, кто откроет рассматриваемый закон, невольно задумается: как же это могло так случиться, что изменения, которые вроде бы должны быть направлены на упрощение досудебного расследования отдельных категорий уголовных правонарушений, на самом деле направлены не только на это, но и, в частности, на то, чтобы криминализовать некоторые деяния? Конечно, можно над этим не задумываться, и при квалификации деяний по ст. 286¹ УК Украины просто игнорировать «источник» соответствующих изменений в УК и исходить из того, есть статья в УК Украины или нет, а не из того, законом с каким названием эта статья была введена в УК.

Конечно, очень просто исходить при квалификации деяния только из того, есть ли статья об ответственности за определенные проступки в УК или нет, не обращая при этом внимания на сопутствующие обстоятельства. Однако в настоящее время такой подход, по-видимому, уже не совсем бесспорный. Показательны в связи с этим изменения, внесенные в УК Украины менее года назад законом от 19 мая 2020 г. Название закона говорит само за себя: «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно усовершенствования процедуры внесения изменений». Этим законом ст. 3 УК Украины была дополнена ч. 6. И теперь «изменения в законодательство Украины об уголовной ответственности (читай – в УК Украины) могут вноситься исключительно законами о внесении изменений в этот Кодекс, и (или) в уголовное процессуальное законодательство Украины, и (или) в законодательство Украины об административных правонарушениях».

Цель, для достижения которой был разработан соответствующий проект закона, в объяснительной записке обозначалась как «усовершенствование процедуры внесения изменений» в УК Украины, УПК Украины и в КУоАП, что «даст возможность исключительно Комитету по вопросам правоохранительной деятельности быть главным по подготовке и обработке проектов законов, которые касаются внесения изменений в указанные акты». Необходимость сосредоточить работу над проектами законов о внесении изменений в УК, УПК и в КУоАП в одном Комитете была обусловлена, в частности, следующими соображениями, приведенными в объяснительной записке. «Количество и частота принятия изменений в УК, УПК, КУоАП настолько большие, что не дают как практическим работникам, так и гражданам ориентироваться относительно изменений действующего законодательства. Проблема усиливается и тем, что часто указанные изменения осуществляются путем их включения в нормативные акты, посвященные правовому регулированию других общественных отношений, и „теряются“ в их текстах».

Сложно не согласиться с аргументами, приведшимися в обоснование необходимости принятия проекта, ставшего законом от 19 мая 2020 г. Однако то же самое можно сказать и о проекте закона, в котором собраны самые разные изменения в УК Украины. Если некоторые изменения, предложенные проектом закона, «не вписываются» в общую логику такого проекта закона, то не свидетельствует ли это о том, что таким «точечным» изменениям уделяется очень мало внимания (если уделяется вообще) при работе над проектом закона (ведь понятно же, что все внимание сосредоточено на основных направлениях изменений)? Несомненно, недостаток внимания скажется на качестве.

В объяснительной записке к проекту, ставшему законом от 22 ноября 2018 г., несколько раз упоминались изменения, связанные с дополнением УК Украины ст. 286¹. И все-таки чувствуется некоторая искусственность этих упоминаний. Возможно, инициаторы проекта понимали, что «транспортным» изменениям в нем не место. Проект стал законом, «транспортные» изменения в законе сохранились, но еще 17 июня 2020 г. был принят закон, которым соответствующий подпункт закона от 22 ноября 2018 г. исключался. Не потому ли, что «транспортные» изменения изначально были чужеродными для закона от 22 ноября 2018 г. и требовали отдельной процедуры обсуждения?

УДК 343.97

О.А. Осипенко

КИБЕРВИКТИМИЗАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В процессе эволюции человеческое общество все в большей степени осознавало ценность, значимость и действенность информации не только как инструмента познания окружающего мира и основы для выстраивания коммуникативных связей, но и как мощного орудия консолидации, созидания, а также и как невероятно действенного всеразрушающего оружия, по своей мощности порой превосходящего все известные виды вооружений.

С течением времени информационное противоборство становилось более разнообразным и изощренным, учитывающим особенности объекта воздействия – человеческой психики. Кроме того, менялись и способы информационного воздей-

ствия от примитивно-вербального изначально к сложноорганизованному, комплексному воздействию с применением всех основных коммуникативных каналов.

Таким образом, оказание информационно-психологического воздействия для достижения порой негативных, противоправных целей имеет глубокие исторические корни и не является явлением новым.

Вместе с тем в условиях глобальной информатизации возможность оказания информационно-психологического воздействия на членов общества, отдельные социальные группы, осуществление и реализация информационного противоборства с отдельными государствами значительно упрощаются и приобретают более интенсивный и изощренный характер.

Примерами информационно-психологического воздействия, которые носят индивидуально-определенный характер, являются буллинг и моббинг. Моббинг (от англ. mob – агрессивная толпа) – форма психологического насилия, включающая в себя систематически повторяющееся враждебное и неэтичное отношение одних людей, направленное против других, в основном одного человека. Буллинг (англ. bullying, от bully – хулиган, задира; запугивать) – повторное (многократное) отрицательное воздействие (например, физический контакт, словесные нападки, умышленное исключение из сферы общения, изоляция), совершенное одним или несколькими лицами, намеренное причинение вреда или создание дискомфорта лицам, которые не могут себя защитить. Буллинг всегда преследует цель затравить жертву, вызвать у нее страх, деморализовать, унижить, подчинить.

Если до наступления эры информационно-коммуникационных технологий жертвы психологического насилия имели возможность хотя бы на определенный период избежать подобного воздействия (например, учащиеся, подвергающиеся моббингу в школьном коллективе, покидая учреждение образования после занятий), то в последнее время к формам психологического давления, присущего традиционной травле, добавились возможности инновационных технологий – кибермоббинг и кибербуллинг. Современные средства коммуникации представляют деструктивным элементам возможность воздействовать на жертву в любое время и с любой степенью агрессивности и интенсивности.

Опасные последствия киберинформационных воздействий в современном мире неоспоримы. Перманентное информационно-психологическое воздействие вызывает значительные негативные последствия как для отдельных лиц (ухудшение психологического и физического здоровья, аффективные эмоциональные состояния, суицидальные намерения и их реализация); так и для всего общества, государства или группы государств (экономический, культурный кризис, разрушение традиционных духовных и нравственных ценностей, социальное напряжение в обществе, причинение иного ущерба национальной безопасности).

Таким образом, значительная часть фактов киберинформационных воздействий носят противоправный характер и влекут наступление последствий, указанных в статьях Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь. Вместе с тем анализ деяний, совершаемых в виде информационно-психологического воздействия с использованием информационно-коммуникационных технологий, показал, что, несмотря на их общественную опасность, не все они могут быть квалифицированы как преступления или административные правонарушения, а поэтому требуют обязательной законодательной регламентации.

Борьба с киберинформационным воздействием должна основываться не только на устранении возможностей стать преступником, но и на снижении вероятности стать жертвой преступления.

Социально-психологические механизмы виктимогенного информационно-коммуникационного воздействия на людей имеют свою специфику и должны исследоваться в рамках специфической узкоспециализированной области научных знаний – кибервиктимологии.

О.Б. Бовть определяет кибервиктимологию как узкоспециализированную мультидисциплинарную отрасль социально-психологической виктимологии, изучающую причины и психологические механизмы кибервиктимизации – процесса и результата становления людей кибержертвами.

Однако представленное определение не в полной мере раскрывает данное понятие с точки зрения криминальной виктимологии. В связи с этим под кибервиктимологией, на наш взгляд, следует понимать отрасль виктимологии, изучающую личность жертвы киберпреступлений, детерминанты и механизмы кибервиктимизации, и разработку на основе полученных знаний соответствующих превентивных мер.

Основываясь на классическом определении понятия «виктимизация», определим понятие кибервиктимизации как процесс становления лица жертвой киберпреступления, а также результат этого процесса, который проявляется как на единичном, так и на массовом уровне. При этом под кибержертвами следует понимать отдельных лиц или группы людей, которым причинен вред или ущерб в результате противоправного информационно-психологического воздействия на них посредством определенных информационно-коммуникационных технологий.

Как и любой процесс виктимизации, кибервиктимизация зависит от целого ряда факторов, способствующих такому процессу, что требует оперативного и всестороннего изучения с привлечением специалистов различных отраслей научных знаний.

В настоящее время кибервиктимологические исследования являются не только чрезвычайно актуальными, но и одними из наиболее приоритетных, востребованных и перспективных.

УДК 343.2

С.К. Очиллов

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ИНСТИТУТА ПОРУЧИТЕЛЬСТВА В ЦЕЛЯХ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В соответствии со ст. 2 УПК Республики Узбекистан исправление осужденных, предупреждение совершения ими преступлений являются одними из задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой. Именно отсутствие рецидивов преступлений является индикатором эффективности профилактики преступности.